

- text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.04.0059%3Aalphabetic+letter%3DC%3Aentry+group%3D51%3Aentry%3Dcivilis1.
- Civitas (2008), in: *Wiktionary as Linguistic Linked Open*. Retrieved April 1, 2019 from: <https://ru.glosbe.com/la/ru/civitas>.
- Hortos (2019), in: *Wiktionary. The free Dictionary*. Retrieved April 1, 2019 from: <https://en.wiktionary.org/wiki/%CF%87%CF%8C%CF%81%CF%84%CE%BF%CF%82>.
- Town (2019) *Online Etymological Dictionary*. Retrieved April 1, 2019 from: <https://www.etymonline.com/search?page=1&q=town>
- Urbs (2011) Charlton T. Lewis, Charles Short. (1879) *A Latin Dictionary Oxford*: Clarendon Press. Retrieved April 1, 2019 from: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0059:entry=urbs>
- Vaan de, Michiel. (2008) *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*, V. 7. Leiden-Boston, 825 p. Retrieved April 1, 2019 from: <https://www.bulgari-istoria-2010.com/Rechnici/Etymological%20dictionary%20of%20Lat%20%20de%20Vaan,%20>
- Vernhes, J.-V. (2013) *Une étymologie (herétique?) pour polis*, in *Connaissance Hellenique*. Retrieved April 1, 2019 from <https://ch.hypotheses.org/556>

Стаття надійшла до редакції 19.04.2019

Стаття прийнята 19.05.2019

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.2\(32\).188617](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.2(32).188617)

УДК 101.2:101.8:111/11

Татьяна Суходуб

«ТОРОС» КАК ПРЕДМЕТ И ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена анализу «места» (гр. topos) как понятия и как социокультурного феномена. Цель исследования – выявить особенности топологической рефлексии в философии. Основное внимание уделено вопросам связи мысли и места, интерпретации смыслов «ландшафтного мышления».

Ключевые слова: «topos» как понятие и феномен, топологическая рефлексия, ландшафт, ландшафтное мышление, место как дом человека.

Философский интерес к «городу» как предмету исследования, что наблюдается и в Украине [Малахов, Суходуб 2006; *Образ міста...* 2005], закономерно актуализирует вопрос о понятийном аппарате и методологии такого анализа. На наш взгляд, ключевым понятием «городоведческих» философско-антропологических размышлений всё чаще выступает «topos» (с гр. место, местность). Причём, к нему апеллируют независимо от контекста анализа. Речь может идти как о теоретических подходах к городу как социокультурному феномену, возникшему и меняющему свой облик на определённых этапах истории [*Город в...* 2001], так и о созданной городом мифологии (к примеру, Парижем [Кайуа 2003: 120–133]) или же исследовательский интерес будет направлен на современные практики освоения городского пространства. Понятно, что разнообразие толкований понятия «место» («topos») задаёт ему всё более широкое логическое содержание, где «город» выступает лишь одним из возможных социально-пространственных измерений человеческого бытия. Методологической основой топологической рефлексии является «ландшафтное» мышление, позволяющее раскрыть характерные черты и такого «места на земле» как «город». Цель статьи – показав истоки и смыслы ландшафтного мышления, выявить особенности топологической проблематики в философском дискурсе.

Автор уже обращался к теме ландшафта и связанного с ним типа мышления [*Образ міста...* 2005: 5–15; Хайдеггер 2003: 21 и др.], поэтому вначале позволим себе обобщённо представить эти исследования. Под «ландшафтным» мышлением понимается рефлексия, направленная на раскрытие смыслов того или иного «места» как определённой социокультурной среды, как феномена, рождающегося присутствием человека, и одновременно как интеллектуального процесса, направленного на самоанализ, понимание собственных чувств и мыслей человека,

вызванных «местами» его пребывания. «Ландшафтное» мышление исходит из семиотического толкования культуры как полифункционального целого, в котором природные, ментальные образы, философия, искусство, социокультурные практики развиваются по законам памяти, что предполагает в размышлении учёт связи «места» и мысли, «места» и творческой деятельности, «места» и жизни человека. Такое мышление, безусловно, несёт в себе элементы символического, мифологического мышления, но главная особенность ландшафтного мышления заключается в том, что оно предполагает воспроизведение, воссоздание смыслов духовно-культурного бытия людей через акцентуацию, означивание «места», «местности» как истока идей, образов, биографий.

Немецкое слово «Landschaft» в топологической рефлексии не предполагает описания общего вида местности (хотя её образы и важны), что традиционно подразумевается в трактовке этого понятия. Это и не пространство со своими специфическими признаками и естественного происхождения элементами, характеризующими рельеф грунта, климатические особенности, природные зоны и т. п. Здесь «ландшафт» понимается как «место» личного бытия человека. То есть, в означенном аспекте ландшафт – не живой, природой или социумом созданный «пейзаж», «картина» внешних для человека впечатлений, а то «место», которым он живёт изнутри, с которым чувственно связан его духовный мир.

Иначе говоря, «ландшафтное» мышление, опираясь на понятие «место», творит «ценностные миры», запечатлевающие в самосознании человека предельно значимые для него социокультурные феномены. В «ценностных мирах» воссоздаётся индивидуально-чувственно-личностное восприятие мира, где отдельный предмет приобретает особый смысл – при этом, не важно, будет ли это детская игрушка, впечатление о которой вытеснено на какой-то период якобы нашей взрослостью, или мы будем мыслить мир в его пределе, как универсум (то есть, во всей возможной его полноте). К примеру, к числу таких «предметов» или «ценностных миров» можно отнести такие понятия и одновременно феномены духовного бытия человека как «родная улица» или «город первой любви», «малая родина» или «лица одноклассников», с которыми дружишь всю жизнь, что позволяет естественно повторять поэтические строки – «мой первый друг, мой друг бесценный».

В «ценностных мирах» человек воспитывается и самовоспитывается, он их создаёт и ими живёт, в «ценностных мирах» существует только то, что дорого и близко конкретной личности, что, может быть, никогда не смогут увидеть или оценить другие или увидят и оценят не так. О

«ценностных мирах» как значимых для человека «местах» лучше всего говорит поэзия. Обратим, к примеру, внимание, как раскрывается в ней тема «места» как поиска дома, родины, образов юности, вех жизненного пути, судьбы человека: «Киев – родина нежная, / Звучавшая мне во сне, / Юность моя мятежная, / Наконец ты вернулась мне! / Я готов целовать твои улицы, / Прижиматься к твоим площадям. / Я уже постарел, ссутулился, / Потерял уже счёт годам. / А твои каштаны дремучие, / Паникадила Весны, / Всё цветут, как и прежде, могучие, / Берегут мои детские сны...» (А. Вертинский); «Без киевского братства / деревьев и церквей / вся жизнь была б гораздо / безродней и мертвей / <...> Здесь дух высок и весок, / и пусть молчат слова: / от врубелевских фресок / светлеет голова. / Идём на зелен берег / над бездной ветряной / дышать в его пещерах / святою стариной...» (Б. Чичибабин); «... Необратимо потеряно / Всё, что с рожденья дано нам. / Кто объяснит мне уверенно, / Что мне считать своим домом? / Город ли жёлто-медовый, – / Этот заснеженный мыс ли? / Определение дома. / Определение смысла / Жизни, что теплится вроде бы, – / Значит – не кончился порох. / Определение Родины – / Призрачной точки опоры» (А. Гордницкий).

Становление метафизики «места» вырастает, на наш взгляд, из традиционной онтологии, прежде всего, из интерпретаций категории «пространство» как формы, позволяющей понимать последовательность сменяющихся процессов или состояний сцепленных определённым образом между собой предметов или явлений. Перенесение акцента с «физического» пространства на «социальное» (чем активно занимались в новейшее время) позволило раскрыть специфику социокультурных процессов как способов жизнедеятельности общества, осознать закономерности исторического освоения природного универсума, становления «очеловеченной», «обжитой» планеты и т. д. Однако отдельный человек мало вписывался в такую «схему» мироотношения, собственно его «место» оставалось не определено. Постепенно понятие «место» перестаёт соотноситься только с точками физического пространства. Тем более, что последнее выказывало лишь их «равноправие», то есть независимость процессов (событий) от места их протекания, безразличия к наличию или отсутствию в этой «точке» собственно человека. Таким образом понимаемая «однородность» пространства перестала удовлетворять запросы человека. Усреднение значимости отдельных «точек» (если понять это в социокультурном значении) провоцировало, по сути, состояние беспамятства, безразличия к прошлому, в психологическом аспекте – потерю человеком «дом» и невозможности его нахождения. Ведь если «всё – равно» (без различий, значит безразлично, где и что происходит).

Размышление о «месте», таким образом, подводило к постановке смысложизненных проблем, о чём заговорила философия, литература, публицистика [Бердяев 2001; Крымский 2008; Мамардашвили 2014; Марьяна 2014; Хайдеггер 2003 и др.]. Для самосознания оказывалось недостаточным индифферентное восприятие «мест» только лишь как неких «точек», с человеком несвязанных. А ведь именно в них, этих самых пространственных точках («здесь» и «теперь»), имели «место» мысли, чувства, незабываемые состояния поэтов, мыслителей, как, впрочем, и всех других людей. Тема «места», таким образом, приобрела статус философской проблемы, решение которой, в частности, способствовало становлению философского краеведения [Кара-Мурза 2014; *Образ міста...* 2005: 5–15, 109–121; Суходуб 2014: 21–22 и др.]. Феномен «места», безусловно, заслуживает и того, чтобы его понимать и в другом, духовно-интеллектуальном ключе, как всё то, что творчески удалось совершить человеку, тем самым осознать своё место и места других в культуре. Очень точно, на наш взгляд, формулирует данную антропологическую проблему Г. Шпет в одном из последних писем, адресованном Ю. Балтрушайтису. Философ с горечью уже нереализуемого желания в силу собственной обречённости на не-жизнь пишет: «Высшей силе угодно было преподать мне урок, заставить разбираться в вещах и людях с тем, чтобы *каждому найти его действительное, не иллюзорное место*. Мне кажется, что урок дан поздновато и всей пользы его назидания я не применю, но кто знает, где поставлены сроки и чем должны быть наполнены времена?...» (курсив – Т. С.) [*Густав Шпет...* 2005: 344].

Представить современную топологическую рефлексию в философии невозможно и вне осознания тех изменений в понимании мышления, которые произошли в XX веке. Уже стало общим местом подчёркивание того, что на основе критического пересмотра «классической» философии вырабатываются новые типы философской рациональности, такие как герменевтическая, феноменологическая, коммуникативная, философско-лингвистическая и т. д. Но ведь философское самосознание минувшей эпохи поставило вопрос и о «нетипизированном» (скажута) мышлении, то есть, вне определённо оформленного в нём образа действительности. Такая постановка вопроса связана в первую очередь с М. Хайдеггером, выступившим, образно говоря, за мышление, но не за рациональность, её однозначно сформированный тип; считавшим, что мыслить и уметь выстраивать силлогизмы – суть разные умения. Если первое приветствуется как творческий процесс, как мастерство, то второе – всего лишь инструмент, необходимое «ремесло», связанное с постижением сущего, не бытия. Философское же мышление представляет собой приведение в движение

метафизики, которая как собственно само человеческое бытие есть вопрошание «сверх сущего» [Хайдеггер 1993]. Именно такое хайдеггеровское вопрошание («сверх сущего») создало в философском дискурсе возможность топологической рефлексии.

Неприятие философом устойчивой оформленности мысли, тем более заданной (чем-то или кем-то извне, чужим), некими упорядочивающими законами, правилами, стереотипными установками, освободило мыслительный процесс от предопределённости результата, от непосредственной понятности, не оставляющей места сомнению. Человек стал самостоятельным в своём истолковании мира, открыл возможности иной жизненной и интеллектуальной ритмики, не присущей собственно его естеству, а исходящей из постижения ландшафта в «опыте жизни» (своём и других). Об этом, по сути, говорит М. Хайдеггер, описывая свою жизнь в горном селении: «Порой труд в горах приходится довольно надолго прерывать... Но как только я возвращаюсь наверх, в первые же часы весь мир прежних вопросов вновь со всех сторон обступает меня в домике, и при этом в тех же самых словесных впечатлениях, в которых я оставил его. Меня просто-напросто переносит в труд с его особым ритмом колебаний, и в сущности я вовсе не управляю его сокровенным законом» [Хайдеггер 2008: 369–370].

Хайдеггеровский опыт философского мышления вне обоснования бытия сущим позволил отождествить бытие с «присутствием». А это, в свою очередь, открыло возможность мыслить человека, его место, не как нечто «положенное» рядом с другими предметами, а как совершающееся лично настоящее человека, что вписывает его в мир не сторонним наблюдателем или созерцателем, а «присутствующим», что меняет не столь понимание жизни, сколь саму жизнь человека. Как подчёркивал философ, если «горожанин, побывав, как говорится, в деревне, в лучшем случае “загорится”», то «мой ... труд от начала до конца несут и направляют эти горы, эти крестьяне» [Хайдеггер 2008: 369]. Вероятно, из этой настроенности, образно говоря, на мелодию «мест» вырастает и его убеждение и призыв: «Бросим же снисходительные заискивания и фальшивые игры в народность – и давайте научимся со всей серьёзностью относиться к простой и тяжёлой жизни там, на горах. И тогда она вновь заговорит для нас» [Хайдеггер 2008: 371].

Хайдеггер уверен, что подлинный философский труд создаётся действительностью ландшафта, из него произрастает и собственное существование мыслящего: «Только труд разверзает просторы, в какие вступит действительность этих гор. Черета трудов до конца погружена в ландшафт, в его совершающееся пребывание» [Хайдеггер 2008: 368].

Действительность ландшафта, по сути, создаёт возможность философии, если следовать за хайдеггеровской мыслью. «Когда во мраке зимней ночи вокруг хижины бушует снежная буря с её свирепыми порывами ветра, – рассуждает философ, – когда всё окрест застилает снежная пелена, всё, скрывая от глаз, вот когда наступает время торжествовать философии. Вот когда она обязана вопрошать просто и существенно. <...> Тогда впечатляется труд мысли в языке – всё равно как ели, высясь, противостоят буре. И эта философская работа протекает не как сторонние занятия чудака, засевающего в своём углу. Самое место ей – среди крестьянских трудов» [Хайдеггер 2008: 369].

Итак, философ исходил из того, что «бытие имеет место», следовательно, это обстоятельство и мысль не должна обходить. Мир в индивидуальном восприятии как будто наговаривает человеку своё несказанное и ждёт от него слова о себе. Да и человек меняет себя, самоопределяясь через «места» присутствия, научается слышать всё не сказанное ему доселе и потому не высказанное для себя и всех. Отсюда, в деле понимания бытия человеку должно научиться мыслить самостоятельно о том, чем он жив и чем живёт, в чём и как пребывает; научиться видеть связь, свою соотносённость с иной реальностью, выходящей за его собственные границы, тем самым понять «места» и других. Быть может тогда, жизнь иных «мест» и других людей заговорит в человеке (для него и других). Именно из такого способа общения с миром, как представляется, и рождается откровенное высказывание философа: «И слушаю, что скажут мне горы, и леса, и крестьянские усадьбы» [Хайдеггер 2008: 371].

Обращение к «*toros*'у» как предмету метафизических размышлений, конечно, изменило стиль философствования, что отразилось в предельной индивидуализации и экзистенциализации философского мышления, открывающего, казалось бы, «единичного» порядка проблемы как общие, а особенные, дорогие сердцу «места», как близкие и другим. Как уже отмечалось, возможность постижения мира в топологическом измерении связана, безусловно, с проблемой «присутствия», определением «модусов присутствия» в их связи с «экзистенциалами» бытия. Последние же, согласно С. Б. Крымскому, следует рассматривать как «... формы осознанного бытия, социальные конструкции материи и идей, витальная сеть переплетения материального и идеального. Эти экзистенциалы определяются сакральной духовностью (измерениями общения человека с Небом и Землёй), ценностями культуры (как способа перевода вещей в предложения)...» [Крымский 2008: 291]. «Присутствие» как проблема нацеливало, таким образом, философов на поиск иных языков философствования, на отхождение от абстрактных идей и создания «теоретических» конструкций,

применяемых к реальному (не придуманному) миру. Такая направленность мышления могла создавать утопии (то есть «хорошие места», если ориентироваться на один из вариантов перевода трансформированного греческого слова), но отдаляла человека от реальных «мест», творящих его судьбу, определяющих жизненный путь, биографию, экзистенциальные выборы.

Внимание к теме присутствия задавало, что стоило бы подчеркнуть, и иное понимание культуры – не через устоявшееся определение – как способов деятельности, социально, исторически обусловленных, а как «... владение тем, чем нельзя владеть предметно, вечно и потребитель [Мамардашвили 2014: 323]. Иначе говоря, культивирование идеально-духовных начал как определяющих для человека, создавало топологическую рефлексию, подчёркивающую значимость для человека предметов, феноменов, не просто влияющих, а полагающих его бытие. Кодом, раскрывающим личностный рост, становились, таким образом, слова, на первый взгляд, обыденные, но именно в них проявлялся «мир человека» как действительность. «Память» (семейная, родовая, историческая); «воспоминания» (о том, где был и каким был); «возвращения» к памятным местам (реальные или воображаемые), «путешествия» (в прошлое или «будущее»), «дорога домой» (определение, нахождение своего дома) – всё это темы, которые имеют явный экзистенциально-онтологический оттенок. Ведь именно в этих мечтаниях, надеждах и их осуществлениях рождается личность, находя своё место, определяющее её жизненные смыслы и её само как смысл.

Восприятие мира в его отдельных «точках» или «местах» как подлинной действительности задаёт человеку основание самовоспитания. Он уже способен, формируя в себе такие важнейшие для себя понятия как «мой город», «мой двор», «моя вишня», «папой посаженный тополь», «родная улица», «*alma mater*» и т. д., не владеть «местами», одарившими его таким богатством, а беречь их как самое драгоценное и самое «говорящее» о его человеческой судьбе. В этих «местах» – жизнь, ушедшая и текущая, говорливая и тихая, трогательно зачаровывающая прелестью бытия других или убивающая отчаянием, ибо разрушающая «дом» твоего бытия. «Места» стягивают жизнь человека к некой отправной для него точке, где он находит себя, честно отвечая на вопросы, начинающиеся со слова – «зачем?» (ведь только в этих ситуациях и обретаются подлинные смыслы бытия). При этом «место» (даже если оно объединяет многих) не может быть «общим», подобно тому как в логике и риторике толкуется «общее место» (нечто всем известное, всеми однозначно понимаемое), ведущее, кстати, своё происхождение от того же слова «*toros*». В дискурсе о «месте» общие

подходы, приёмы к толкованию одного и того же не срабатывают, так как «topos» как «общее», даже делимое с другими, всегда будет оставаться только «моим». Моя библиотека, мой музей, мои – архив, школа, улица, рынок; мои – поле, лес, курган, террикон, речная гладь, берег или известная всем гора (но и она только моя), мой мир в «розовых тонах», моё «оранжевое небо» или семь всем известных нот (и они только мои), так как это я переживаю действительность этих «мест» как родных, близких, во мне рождаются чувства и идеи, сожаления и надежды, которые никому не передать.

«Место», таким образом, обозначает социокультурные явления (даже если это, образно говоря, «место радуги» или «место слепого дождя», открывающих мир не с обыденной стороны), «место цветущего яблоневого сада» или «тропинки в перелеске», где были сказаны главные слова, памятные на всю жизнь. Иначе говоря, места пребывания, запечатлённые в самосознании человека, становятся для каждого точками отсчёта самых памятных событий – рождения, взросления, переживания первой любви, творческого взлёта, духовных тревог или радостей и т.д., наконец, ощущаются условиями определения своего места на земле и тем самым обретения своего «дома». Впрочем, и «дом» – не конечный пункт постижения бытия. Ведь его могут разорять, отнимать, беззастенчиво делать якобы «чужим». Вот в этой невозможности остановиться в мысли о «месте», пожалуй, и заложена бесконечность топологической аргументации, столь необходимая для утверждения бытия и обоснования права на «место».

Таким образом, топологическая рефлексия открыла новый, неискажённый абстрактным языком и иллюзорно-утопическими представлениями образ философии, опирающийся на «ландшафтное» мышление. «Место» (topos) как понятие и социокультурный феномен человеческого бытия пришло на смену «пространству», ещё недавно определяющему в социокультурном смысле важную для человека связь между сосуществующими наряду с ним предметами, явлениями, событиями, формами самодвижения общественных и духовно-культурных процессов. Если социальное пространство в целом фиксировало освоённость мира человеком в его истории, то «место» определяет уникальность бытия человека, высвечивает его дела, жизнь духа и тела в контексте личностного «присутствия» в мире, что позволяет осознавать как опасность, непредсказуемость человеческих действий, так и их плодотворность. В этом контексте смысл философской работы заключается в прояснении действительности ландшафта как «мест» творческого, личностного роста человека в его бытии.

Список использованной литературы

- Бердяев, Н. А. (2001) *Самопознание (опыт философской автобиографии)*, в: *Бердяев, Н. А. Самопознание: Сочинения*, Москва: Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, сс. 249–603.
- Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики* (2001) Москва: Наука, 392 с.
- Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие* (2005) Отв. редактор-составитель Т. Г. Щедрина, Москва: РОССПЭН, 720 с.
- Кайуа, Р. (2003) *Миф и человек. Человек и сакральное*, пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. Москва: ОГИ, 296 с.
- Кара-Мурза, А. А. (2014) *Бердяевская Москва (Опыт философского краеведения)*, в: *Философские науки*, Москва, № 4, сс. 65–77.
- Кримський, С. Б. (2008) *Дім – Поле – Храм*, в: *Кримський С. Б. Під сигнатурою Софії*, Київ: Вид. дім «Кисво-Могилянська академія», сс. 291–300.
- Малахов, В. А., Суходуб, Т. Д. (2006) *Місто як предмет метафізичних досліджень*, в: *Totallogy-XXI (чотирнадцятий випуск). Постнекласичні дослідження*, Київ: ЦГО НАН України, сс. 407–408.
- Мамардашвили, М. К. (2014) *Другое небо*, в: *Мамардашвили, М. Сознание и цивилизация: Выступления и доклады*, СПб.: Лениздат, Команда А, сс. 309–345.
- Марьина, Т. Н. (2014) *Сага о дороге: повесть*, Кострома: Обл. тип. им. М. Горького, 88 с.
- Образ міста в контексті історії, філософії, культури* (2005) Київ: Парапан, 200 с.
- Суходуб, Т. Д. (2014) *Историко-философское познание: методология регионоведения*, в: *Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових праць*. Вип. 726–727. *Філософія*, Чернівці: Чернівецький нац. ун-т, сс. 19–23.
- Хайдеггер, М. (2003) *Разъяснения к поэзии Гёльдерлина*, пер. с нем. Г. Б. Ноткина, СПб.: Академический проект, 320 с.
- Хайдеггер, М. (2008) *Творческий ландшафт: Почему мы остаёмся в провинции?*, в: *Хайдеггер, М. Исток художественного творения*, пер. с нем. Михайлова А. В., Москва: Академический Проект, сс. 368–371.
- Хайдеггер, М. (1993) *Что такое метафизика?*, в: *Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления*, пер. с нем., Москва: Республика, сс. 16–27.

Тетяна Суходуб

«ТОПОС» ЯК ПРЕДМЕТ І ПРОБЛЕМА ФІЛОСОФСЬКОГО ДИСКУРСУ

Стаття присвячена аналізу «місця» (гр. topos) як поняття і як соціокультурного феномену. Мета дослідження – виявити особливості топологічної рефлексії в філософії. Основна увага приділена питанням зв'язку думки і місця, інтерпретації смислів «ландшафтного мислення».

Ключові слова: «topos» як поняття і феномен, топологічна рефлексія, ландшафт, ландшафтне мислення, місце як дім людини.

Tatiana Sukhodub

«TOPOS» AS A SUBJECT AND A PROBLEM OF PHILOSOPHICAL DISCOURSE

The article is devoted to the analysis of «place» (gr. topos) as a concept and as a sociocultural phenomenon. The purpose of the study is to identify the features of topological reflection in philosophy. The main attention is paid to the issues of connection of thought and place, interpretation of the meanings of «landscape thinking».

“Landscape thinking” proceeds from a semiotic interpretation of culture as a multifunctional whole, in which natural, mental images, philosophy, art, and sociocultural practices develop according to the laws of memory. “Landscape” is understood as the “place” of personal human being, with which his spiritual world is sensually connected.

Keywords: «topos» as a concept and phenomenon, topological reflection, landscape, landscape thinking, place as a person's home.

References

- Berdjaev, N. A. (2001) *Samopoznanie (opyt filosofskoj avtobiografii)* [Self-knowledge (experience of philosophical autobiography)], in: *Berdjaev, N. A. Samopoznanie: Sochinenija* [Self-knowledge: Works], Moskva, Izd-vo JeKSMO-Press; Kharkov, Izd-vo Folio, (Serija «Antologija mysli»), pp. 249–603.
- Gorod v processah istoricheskikh perehodov. Teoreticheskie aspekty i sociokulturnye harakteristiki* (2001) [The city in the processes of historical transitions. Theoretical aspects and socio-cultural characteristics], Moskva, Nauka, 392 p.
- Gustav Shpet: zhizn v pismah. Jepistoljarnoe nasledie* (2005) [Gustav Shpet: life in letters. Epistolary Heritage], otv. redaktor-sostavitel T. G. Shhedrina, Moskva, ROSSPJEN, 720 p.
- Kajua, R. (2003) *Mif i chelovek. Chelovek i sakralnoe* [A Myth and a man. A Man and the Sacred], per. s fr. i vstup. st. S. N. Zenkina, Moskva, OGI, 296

- p.
- Kara-Murza, A. A. (2014) *Berdjaevskaja Moskva (Opyt filosofskogo kraevedenija)* [Moscow of Berdyaev (Experience of philosophical study of local lore)], in: *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], *Iyp.* 4, Moskva, pp. 65–77.
- Krymskij, S. B. (2008) *Dim – Pole – Hram* [House – field – temple], in: *Krymskij, S. B. Pid signaturoju Sofii* [Under the signature of Sofia], Kiev, Vyd. d³m «Kyyvo-Mogiljans'ka akademija», pp. 291–300.
- Malahov, V. A., Suhodub, T. D. (2006) *Misto jak predmet metafizichnih doslidzhen* [City as a subject of metaphysical research], in: *Totallogy-XXI. Postneklasichni doslidzhennja*, CGO NAN Ukraїni. Vyp. 14, Kiev, pp. 407–408.
- Mamardashvili, M. K. (2014) *Drugoe nebo* [Another sky], in: *Mamardashvili, M. Soznanie i civilizacija: Vystuplenija i doklady* [Consciousness and Civilization: Speeches and Papers], Sankt-Petersburg, Lenizdat, Komanda A, pp. 309–345.
- Maryina, T. N. (2014) *Saga o doroge: povest* [Saga of the Road: story], Kostroma, Obl. tip. im. M. Gorkogo, 88 p.
- Obraz mista v konteksti istorij, filosofij, kultury* (2005) [The Image of the City in the Context of History, Philosophy, Culture: Readings of Kiev Studies], Kiev, Parapan, 200 p.
- Suhodub, T. D. (2014) *Istoriko-filosofskoe poznanie: metodologija regionovedenija* [Historical and philosophical knowledge: methodology of area studies], in: *Naukovyj visnik Chernivetskogo universitetu: Zbirnik naukovyh prats* [Scientific Bulletin of Chernivtsi University: a collection of scientific papers], vyp. 726–727. Filosofija, Chernivtsi, pp. 19–23.
- Hajdegger, M. (2003) *Razmjasnjenja k poezii Gjolderlina* [The Explanations for Hoelderlin's Poetry], per. s nem. G. B. Notkina, Sankt-Petersburg, Akademicheskij proekt, 320 p.
- Hajdegger, M. (2008) *Tvorcheskij landshaft: Pochemu my ostajomsja v provincii?* [Creative landscape: Why do we stay in the province?], in: *Hajdegger M. Istok hudozhestvennogo tvorenija*, per. s nem. Mihajlova A. V., Moskva, Akademicheskij Proekt, pp. 368–371.
- Hajdegger, M. (1993) *Chto takoe metafizika?* [What is metaphysics?], in: *Hajdegger, M. Vremja i bytie: Stati i vystuplenija*, per. s nem., Moskva, Respublika, pp. 16–27.

Стаття надійшла до редакції 14.04.2019

Стаття прийнята 14.05.2019